

Йорданов Христо Йорданов

магистр пед. наук, психолог

Юго-Западный университет «Неофит Рильски»

г. Благоевград, Республика Болгария

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
(РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ, УШИНСКИЙ – ФИХТЕ)**

Аннотация: основным фактом, к которому приходит Ушинский, является тот факт, что все великие народы имеют свою национальную систему воспитания. В основе каждой из этих систем лежит своеобразный принцип, который определяет систему образования в целом и придает ей специфический характер. Для Фихте свобода, целостность, уникальность по отношению к внешней культуре кажутся основными свойствами нации как таковой. Нация, которая утратила эти свойства, перестает быть нацией в истинном смысле этого слова. Вот почему римляне не представляют нации в том смысле, в каком Фихте понимает немецкий народ.

Ключевые слова: образование, национальная система воспитания, национальное образование, природа данного народа, нация.

Разве Платон не прав, говоря, что предметом философии являются не отдельные добродетели, а одна и та же добродетель, и что задача философского знания состоит в том, чтобы точно определить эту добродетель в той же сущности?

Не является ли обязательным для философской педагогики, чтобы на месте ограничиться отдельными странами образования, обратиться к изучению его идентичного и присущего ему характера?

Несомненно, сущность образования не должна распадаться на отдельные виды. Но, с другой стороны, также нельзя отрицать, что идентичность является лишь точкой разнообразия, которая не может быть известна, когда она отрезана от разнообразия, а разнообразие, в свою очередь, достигается знанием только

тогда, когда оно пронизано идентичностью, В этом отношении педагогика разделяет судьбу философии, к которой она применяется. В своем стремлении познать всю культуру философия неизбежно распадается на ряд дисциплин, которые отдельно исследуют различные культурные ценности. Тело культуры, ее абсолютное начало, не может быть понято философией в отдельности, отделено от разнообразия тех ценностей, в которых оно проявляет себя. Это можно интуитивно ощутить только во множестве культурных ценностей, которые в их относительных ограничениях известны, однако, всегда в отдельных дисциплинах. Абсолют раскрывается только в относительном, так же как относительный известен только как момент абсолютного проникновения в него. Это как раз тот «дискурс» знания, который в своем стремлении достичь тела вынужден знать только его отдельные части.

Таким образом, несмотря на знание частей и включает в себя интуицию тела, единственный раз в том, что под его «дискурсивность» сохраняется в частях. В соответствии с философской «фундаментальной наукой», что за отдельными значениями познания добра и красоты знали бы более идентичны их сущность в качестве окончательного и абсолютного первого базиса, это также невозможно, как невозможно знать абсолютную первую базу, или тело природы. Такая метафизика культуры, а также рационализировать представление о теле, как это упрощено до Канта натуралистической метафизики. Естественно, что все отдельные философские дисциплины, в конечном счете представлен сам единое тело. Но это тело философии как проникающая множественность которых он даже думал, не может быть разорвана, не свойствен объект, исследование по отдельности, увенчает «частные» философские дисциплины, но единство метода, единство дороги в которой все философские дисциплины идти к своему предмету, единство, осознать логику философии ". И мы надеемся, что суть образования, которое не может быть известно, кроме его видов, дала интуиции читателя в единстве одного метода, который мы стремились выдвинуть наше исследование различных видов образования и чьи личность свидетельствует о том, что

образование педагогической науки распадается на многие виды в своей окончательной сущности холост.

Но это в его последней сущности. Потому что, как часто, культурные эпохи живут под знаком жестокой борьбы между отдельными культурными ценностями (наукой и религией, религией и искусством, моралью и «внешней культурой»), и различные типы образования объединены в идее. На самом деле они слишком часто вступают в сложные конфликты между собой. Не является ли, однако, задача педагогики определить пути и средства преодоления конфликтов, возникающих между различными странами образования? Разве педагогике не нужно изучать образование не только в его продольных разрезах (моральных, научных, художественных и т. д.), Но и изучать его в разрезе, давая разным возрастам полное описание образовательного процесса в живом единстве? всех его продольных сторон. И да, и нет. Нет, потому что по самой своей природе эта проблема может быть решена только на конкретном материале возникших конфликтов. Построить теоретически возможные конфликты между различными сторонами образования и решить их абстрактным образом – это означало бы, что мы попадаем в бесплодные тематические исследования, аналогичные тем, в которых Кант углублялся в разработку своей детальной теории морали. Конфликт возникает только в живой реальности и также разрешается не теоретическими рассуждениями, а свободными, творческими действиями. Именно поэтому идентичность образования неизвестна, потому что его единство является объектом не знания, а творческого усилия, предметом нашего педагогического действия. Культура сплочена и внутренне убеждена, это убеждение учреждения тела, которое мы испытываем, когда видим, как различные проблемы образования выявляются одним и тем же методом в их отношениях друг с другом. По той же причине мы можем быть уверены, что внутренние конфликты культуры неизбежны, поскольку культура – это не мертвая схема, а живое – решение с помощью творческих усилий.

Образование по своей сути унифицировано, но эта идентичная природа образования неузнаваема. Это означает, что это просто идея, то есть предмет нашего творческого действия. Он создан нами и не известен как мёртвый и готовый дать. Но если теоретическая педагогика вынуждена ограничиваться изучением отдельных продольных разрезов образования, то из этого вряд ли можно говорить о конфликтах внутри культуры и образования. Гармоничное и неотъемлемое целое образования не является предметом наших знаний. Да, но это было предметом действия для многих выдающихся педагогов, и очень поучительно и интересно узнать, как они на самом деле решили эту задачу, связать индивидуальные требования образования с внутренне единым и неотъемлемым целым. В этом большое значение педагогической литературы, классическая модель которой «Клиренс летописи» так хорошо известна, задача которой – раскрыть опыт педагогической работы, историю конфликтов, возникших при реализации педагогических задач, и попытки их решения. фактическое разрешение. Тем не менее, теория образования должна быть удовлетворена, если она устанавливает требования и задачи отдельных типов образования с возможной точностью и тем самым помогает практикующему персоналу увидеть те конфликты, которые так часто скрыты под толстым слоем педагогических неясностей и предубеждений. Потому что, чтобы разрешить конфликт с помощью вашего творческого действия, необходимо, прежде всего, осознать его во всех проблемах, ориентированных на действие.

Однако, в заключение, нам понадобятся два момента, чтобы выйти за пределы лонгитюдного изучения разных стран образования и перейти к его трансверсальным работам. Мы имеем в виду проблемы т.н. национальное и физическое воспитание, понятия которого обычно чередуются с понятиями нравственного, научного и художественного воспитания. Можем ли мы говорить о национальном и физическом воспитании в том же смысле, в каком мы говорим о моральном, научном, художественном и экономическом образовании? Решение этого и связанных с ним вопросов поможет нам более

точно объяснить нашу концепцию образования и отличить теорию образования от других смежных с ней дисциплин.

В проблеме национального образования различные направления в педагогической и политической мысли фантастическим образом переплетаются. С одной стороны, национальное образование воспринимается как монополия консервативных кругов. Так, в России его парадоксальным образом посадили М. Катков и Д. А. Толстой с помощью классической школы. С другой стороны, национальное образование выделяется радикальными педагогическими кругами, которые в своих требованиях к «национальной школе» (украинская, татарская и т. д.) совпадают с политическими защитниками прав угнетенной национальности и которые обосновывают свои претензии на принцип свободы и закон. С одной стороны, Робеспьер и Лепелетт, идеологи единой и неделимой родины, враги любого федерализма, выступают за «национальное образование»; с другой стороны, за национальное образование говорят защитники «провансальского» возрождения, т.е. представители федерального принципа, которые стремятся выращивать местные народности в границах или даже за пределами великой «государственной» нации. И если мы обратимся к идеологам национального образования – скажем, к Ните в Германии и к Usinski в России – мы будем поражены тем, как их теории могут стать отправной точкой и оправданием для столь разных политических и педагогических устремлений. Потому что их в равной степени называют кружками национально-консервативной педагогики, близкими к славянской философии, а также демократически-радикальными сторонниками «невинной» школы. – И нельзя сказать, что и то, и другое совершенно верно с их точки зрения. Нет, «народное образование» справедливо говорит, чтобы прояснить свои чаяния и Робеспайпер, и прованцы, и Д. Т. Толстой, и защитники украинской школы. И если в России этим термином пользовались в основном защитники украинской школы, а во Франции, наоборот, представители центральной и равноправной доктрины Французской революции, то только «языковое ремесло», которое не всегда следует логике

своего развитие. Не терминологической двусмысленностью, а сложностью и универсальностью скрытой философской проблемы – проблемы нации – объясняется фактическое прикосновение различных упомянутых выше тенденций и их, казалось бы, парадоксальность. В России наиболее обоснованное обоснование идеала национального образования принадлежит К.С.Шинскому. Мы станем синагогой этого довольно элементарного, но интересного опыта, тем более, что высказанные там мысли продолжают оставаться скрытым мотивом большинства теорий, которые здесь совпадают.

Основным фактом, к которому приходит Ушинский, является тот факт, что все великие народы имеют свою национальную систему воспитания. В основе каждой из этих систем лежит своеобразный принцип, который определяет систему образования в целом и придает ей специфический характер. Поскольку основным принципом немецкой системы образования является наука, немецкие университеты, которые являются центром научных знаний, составляют центр всей немецкой системы образования. Принцип английского воспитания заключается в развитии характера, свободного самоуправления, идеала гражданина. Этот идеал в Англии определяет средняя школа, а также английский колледж и университет, которые дают меньше образования, чем общее образование, необходимое для будущего политического деятеля свободного государства. Для Франции, наоборот, характерно стремление к внешнему применению научного знания. Техника – самое сильное место для французов. Отсюда позитивизм и утилитаризм философии, преобладающей во Франции. Отсюда и профессиональный характер ее системы высшего образования и системы соревнований, которая привлекает больше внимания к внешнему блеску, стилю и вопиющему решению задачи, чем к глубине мысли и содержания. Наконец, американская система образования (США) характеризуется непреодолимым движением вперед, нестабильностью, которая заставляет американцев всегда стремиться к новым, новым методам и формам образования. Он отражает лихорадочную скорость, с которой он строит свою

жизнь, это новая, непритязательная историческая традиция и свободный от первопроходцев народ. Одним словом, у каждой нации есть свой идеал для человека, который в идеале стремится реализовать в своей национальной системе воспитания: «Основы его воспитания и его цели, а, следовательно, и его основное направление, различны для разных наций и определяются характером людей, когда педагогические личности могут свободно переходить и часто переходить от одной нации к другой» [2].

Установив факт различия в образовательных системах отдельных народов, каждая из которых преследует свою особую цель, которая определяется природой данного народа, Усинский позднее доводит этот факт до норм. У русских еще не было собственной системы воспитания. До сих пор они ограничивались имитацией других систем. Именно поэтому воспитание не могло принести свои плоды, и русский народ остается необразованным и по сей день. Мы должны воздерживаться от подражания иностранным образцам и, касаясь наших людей, создавать собственную национальную систему воспитания, которая отвечает чаяниям и потребностям души людей. Потому что русский народ существует как народ, у него своя история, свои мечты и желания. «Каждый живой исторический человек – это самое высокое и самое замечательное Божье творение на земле, и образование можно извлечь только из этого богатого и чистого источника». Русское воспитание, которое до сих пор было абстрактной имитацией иностранных образцов и потому беспомощно, должно стать популярным, проникнуться идеалом души народа, прикоснуться к ней, чтобы придать ей силу и мощь. Но каков идеал русского народа? Что это за принцип, который составляет отличительную черту русской души и поэтому должен стать целью русского воспитания? Ясно, что ни наука, ни закон, ни техника, ни лихорадочная жажда прогресса не составляют особенность великих западноевропейских и американских народов. Примечательно, что когда дело доходит до определения характера русского народа, Усинский, который уже сделал неточность и неясность в изложении американской системы образования, становится еще более неясным и неясным. Он не смог одним

словом или даже кратко зафиксировать принцип русской души и русского воспитания. Вот что он охарактеризовал как «Глубокие несущественные принципы патриархального образа жизни, которые, с одной стороны, чужды строгости римского права, в большей или меньшей степени лежащие в отечественных народах западных народов, а с другой стороны, иностранные торговая жесткость и исчисление; здесь преобладает то славянское чувство, которое течет как невидимый поток, распространяясь как широкая река, чувство позыва, неровное, но обладающее достаточной силой, чтобы поднять человека иногда толчком от самой глубины моральной слизи до вершин нечеловеческого достоинства ; необычное изобилие инстинктов, которые склонны догадываться, а не учиться; необычайная, удивляющая иностранцев, восприимчивость ко всему остальному, безразличная, идет ли она с востока или с запада, а вместе с ней и стойкость в своей национальности, хотя зачастую и без сознания; наконец, древняя православная религия с ее универсальным историческим значением, религия, обращенная к плоти и крови народа: вот что должно проявиться в народности русского образования, если оно хочет стать настоящим выражением жизни народа, а не Насильственное, чуждое национальности, имитация, а не растение без корней, которое, поскольку оно постоянно увядает и постоянно вынуждено подвергаться искусственному обновлению и повторной пересадке из чужой почвы, пока наша почва снова не повредит его.

Мы постарались передать с возможной точностью ход мыслей Виншина, что привело его к установлению требований национального образования. Как видно, идеи славянофильской метафизики как внутренней психической субстанции, составляющей характер народа, здесь переплетаются с демократическими требованиями к конкретному и близкому к людям образованию. Практически последняя тенденция преобладала в ушинском; это подтверждается знаменитым «Родным словом», в котором Ушинский показывает, насколько важно общее языковое образование на родном языке, если оно рассматривается как живой организм на языке, отражая судьбы, мысли

и чаяния людей и чье поглощение означает одновременно погружение в сокровищницу национальной культуры. Характерно, однако, что при выборе записок для чтения Усински меньше всего руководствовался идеалом славянофила патриархальной Древней Руси, но пытался собрать в своем «Родном слове» лучшие образцы русской литературы периода после Петра. Отлично, доступно для людей. Идти к людям, чтобы поднять его до уровня образованного слоя общества, который сегодня является единственным носителем и носителем национальной культуры, – эта чисто националистическая мысль определила всю практическую педагогическую работу Усинского [4].

Из всего этого можно видеть, что оправдание, которое Ушинский дал своему взгляду через представление о народном духе, как о некоторой готовой и полной сущности, было немного отзывчивым к его собственным практическим устремлениям. Национальное образование – это не столько проявление уже существующей в форме души данного народа, сколько включение народа в культурную традицию, накопленную в его среде творческими усилиями его сыновей. Несмотря на свою популярность, Усинский даже готов признать, что сыновья образованного слоя являются лучшими в той мере, в которой необходимо поднимать широкие массы. Итак, нация не является готовой субстанцией, присущая ей природа может быть выражена неким «принципом». Нация никогда не заканчивается, но она всегда создается. Жизнь нации никогда не является простым проявлением готового начала, но это непрерывное развитие, которое сопровождается расширением задач, решаемых нацией, ставя перед собой новые и новые цели для действий. Вот почему все попытки охарактеризовать эту душу, проявления которой у разных народов, настолько поверхностны и неопределенны. В этом отношении характеристика, данная Усинским индивидуальным душам людей, не менее успешна, чем аналогичные попытки «исторической школы» и русских славянофилов, на которые она влияет. Действительно, можем ли мы серьезно утверждать, что техника является отличительной чертой духа французского

народа, что дух немецкого народа исчерпан наукой, а английский – началом свободного самоуправления?

Примечательно, что в основе всех этих определений лежит не столько вера в неограниченные возможности развития нации, сколько, наоборот, убежденность в определенных ограничениях ее будущего развития, вытекающих из одностороннего, исключительного взгляда на прошлое. Предположим, что до сих пор немецкий народ культивировал в основном науку, французы – технику, а английский – закон, и что каждый из них означает одностороннюю гегемонию культурной ценности над другими, что усилило ее господство над землей несанкционированный культурный конфликт. Так ли это будет, и вам придется остаться в будущем? Может ли техника быть свободной от науки, эти два без права и закон без морали? Так, например, славянофилы думали о праве, в котором русский народ не нуждался, поскольку оно является носителем морали, непосредственной, конкретной и избегающей любых жестких формул. Однако в действительности отдельные страны культуры слишком переплетены друг с другом и обусловлены друг другом. Для этого их внутренние отношения свидетельствуют о конфликтах, которые вспыхивают между ними, и если эти конфликты были разрешены чаще всего с помощью насильственной гегемонии одной ценности над другими, а не путем их гармоничного смешения, у нас нет причин брать этот факт из прошлого. норма будущего. Из того, что до сих пор Россия не проявляла особого лица ни в науке, ни в праве, ни в технике, не следует ли из этого, что так будет и что так и должно быть в будущем? Не следует ли из этого, наоборот, что, как отметил Вашингтон У. Стеуани, перед лицом отсталости России в области права, науки и техники, как особенности российской национальной системы образования, сегодня это должно быть прежде всего культивирование этого до сих пор пренебрегали русскими ценностями? Если идеал гармоничного и всестороннего развития справедливо подчеркивается для личности человека, чтобы интегрировать личность в полноту культурного творчества, почему коллективная личность людей должна быть сознательно исключена из этой

полноты, сознательно отказаться от гармонии в пользу односторонней и насильственной гегемонии любой из культурных ценностей? Вот почему у нас так мало оснований, что коллективная личность людей не попадает в такой степени, как унитарная личность, под власть разделения труда, что является трагедией культуры [3].

Но даже если мы выйдем из этой точки зрения, является ли нация особой целью образования в том же смысле, в каком мы говорим о научном, моральном и художественном образовании? Очевидно, что нет, потому что специфическая природа нации видится здесь не в той конкретной цели, которая добавляет к тем ценностям, которые в своей совокупности составляют культуру, а к одностороннему решению в пользу одной или другой из этих ценностей, конфликт между ними разразился. Национальное образование тогда будет ограничено принудительным культивированием только научного, юридического или технического образования.

В противном случае и глубже определяется задача национального образования Фихте в его «Речи немецкому народу». Выступая в Берлинском университете в 1807 году, когда Пруссия и вместе с ней вся Германия пережили дни французской оккупации. «Речь Фихте была призвана вывести немецкий народ из состояния крайнего унижения и безразличия, в котором он находился, и внушить ему веру. Как средство возрождения немецкого народа, по мнению Фихте, необходимо было служить новой системе образования. Более того, образование не должно быть простым воспитанием людей, а должно быть «своего рода немецким национальным образованием». Это должен быть не перенос немецких влияний на немецкую землю, а скорее дух немецкого народа, вытекающий из самой его природы. Но какова природа немецкого народа, которая отличает его от «аусландии», под которой Фихте всегда подразумевает римский Запад? Фихте далек от идеи определения национального характера немецкого народа через особенности его готовой и уже сложившейся культурной традиции. Также особенность римских народов, которые он противопоставляет немецким, он не видит в их особой приспособляемости к

тому или иному виду культурной работы. Напротив, она ставит всю проблему нации в другую плоскость, переводя ее из плоскости культуры как таковой в плоскость отношения людей к культуре. Разнообразие как немецкого народа, так и римского Запада следует искать не в том, что они сделали в области культуры, а в том, как они сделали это в своем самом отношении к культуре. С этой точки зрения отличительной чертой немецкого народа, по мнению Фихте, является его «оригинальность» или «ursprunglichkeit» (его способность к возбуждению и свободе). Эта особенность немецкого народа проявляется прежде всего в его языке. Затем, когда немецкие племена на романизированном Западе выучили язык побежденного романизированного населения, немецкий народ сохранил свой язык во всей его самобытности. Вместе с языком римские народы утратили свое свободное и прямое отношение к культуре. У него был более чисто внешний способ восприятия римской культуры, который разрушает их уникальность, непосредственность и свободу. Вот почему культура в них была чем-то искусственным и искусственным, взятым, не творчески созданным, чужим и не своим. Отсюда ее преимущественно формальный характер, как и во французской поэзии, форма доминирует над содержанием, готовым и канонизированным прошлым – живым настоящим. Здесь также разрыв между образованным классом и народом: язык культуры до сих пор был чужд народу, и в этом отрыве интеллигенции от народа продолжает оставаться главный факт в истории римского Запада, а именно победа там готовой и мертвой культуры его полный язык о распаде под ее бременем души некогда свободных людей. Наконец, отсюда происходит мертвый и завершенный характер языков римского Запада, который, застыв на питательной почве людей, застыл в своем механическом формализме. Напротив, немецкий народ, сохраняя всю уникальность своей речи, также сохранил свою свободу в отношении римской культуры. Она не поработила его, но он переписал его самостоятельно, взяв то, что она могла полностью переварить. Это также решающее значение Реформации в истории немецкого народа: это подлинно народное движение, народное восстание против местной

и иностранной культуры с ее иностранным языком, это восстание в двенадцатый час в то время, когда народ уже сломан под своим весом. Реформация вернула интеллигенцию народу, уничтожив разрыв между ними, который стал бы непреодолимым. Богатство немецкого народа состоит в том, что его культура доступна людям и что он черпает силу в людях: люди и интеллигенция говорят здесь на одном языке, поэтому язык не является чем-то мертвым и полным, но он является живым развитием целом. Вся разница между западными римлянами и немецким народом была смело отражена в том, как они относились к классической древности в эпоху ее возрождения: римский Запад пассивно принял ее, немецкий народ создал из классической древней жизни нечто свое, уникальное и оригинальное.

Историческая и языковая неполнота всех высказываний Фихте очевидна. Сказать, что романские языки – мертвые языки, римская культура – мертвая культура, и что на Западе разрыв между интеллигенцией и народом глубже, чем в Германии, это значит игнорировать целый ряд очевидных исторических фактов и принудительно истолковывать последнее в пользу абстрактного взгляда. Сегодня это признают даже самые восторженные немецкие адепты автора «Reciti». Но смысл и смысл теории образования Фитча не в этом философско-историческом заключении. Его значение в том, что Фихте впервые увидел проблему национального образования в отношении людей к внешней культуре. Проблема народного образования показывает нам таким же образом идентичность с известной проблемой воспитания личности. Поскольку задача нравственного воспитания по отношению к человеку заключается в сохранении личности его личности и свободы, его непосредственности и целостности, когда он воспринимает внешнюю культуру, задача национального образования также состоит в том, чтобы давление внешней культуры не преодолевалось. свободная самоидентификация его творческих устремлений, а не разрушение его внутренней целостности. Эта мысль о Руссо, разработанная самим Руссо о личности индивида, применяется Фихте к коллективной личности людей. И мы считаем, что прекрасной задачей для историка философии было бы проследить

непосредственное влияние Русса на автора «Reciti». Здесь следует своеобразное отождествление Фихте с терминами «немецкий» и «национальный». Для Фихте свобода, целостность, уникальность по отношению к внешней культуре кажутся основными свойствами нации как таковой. Нация, которая утратила эти свойства, перестает быть нацией в истинном смысле этого слова. Вот почему римляне не представляют нации в том смысле, в каком Фихте понимает немецкий народ. «Быть немцем» для него – это то же самое, что иметь характер, быть человеком. «Все, кто живут или создают себя и создают нового, или, по крайней мере, готовы потакать течению изначальной жизни, все эти уникальные люди, если мы видим их как людей, представляют себя Врволками, людьми преимущественно / das Volk schlechtwer /, все они немцы ". Но именно тогда национал или германец не противоречит «человеку», а совпадает с ним. Чтобы быть почитаемым другими народами, немецкий народ немедленно и свободно, не нарушая своей внутренней целостности, воспринимает и ассимилирует культуру иностранных народов, он самостоятельно обрабатывает всего человека, откуда бы он ни шел. Власть немецкого народа не противостоит «своему» человеку. Напротив, его истинный национальный характер заключается именно в том, что он может делать все, что он может сделать сам. Его свободная и творческая работа над универсальными ценностями создает нацию так же, как личность, как мы знаем, создается посредством его творческого всплеска сверхличных ценностей. Вы упали настолько далеко от воюющего национализма, который противопоставляет себя чужому и своему собственному господству над чужеземцем, видит суть национального идеала, что он говорит поистине пророческие слова. По поводу так часто проповедуемой немцам «Свободы морей» он говорит: «О, пусть счастливая судьба защитит немцев от участия в добыче других стран, поскольку вы сохранили их от непосредственного участия в нем! О, если бы легковерие и жадное стремление жить так же вкусно, как и другие народы, не вызывали у нас нужды в тех ненужных товарах, которые производятся в других странах! Давайте сами обеспечим себя необходимыми, мы обеспечим нашим свободным

гражданам достойные условия жизни, постараемся воспользоваться потом и кровью несчастных рабов за океаном. В этом случае, по крайней мере, мы не будем приводить собственную причину нашей судьбы в таком случае, и мы не будем побеждены как торговцы и уничтожены как рынок ». «Его» о Фихте не является противоположностью «другого», но это стиль того, как люди ассимилируют других. И нация не является противоположностью универсальной, но это стиль творчества, посредством которого нация ассимилирует универсальное культурное содержание.

Это объясняет только тот факт, что национальное образование Фихте имеет по крайней мере национальный характер в смысле ограничения образования историко-традиционным «национальным» содержанием или даже придания последнему особой роли в образовании. Напротив, Фихте видит национальную систему образования в педагогической системе Песталоц, этой маленькой «национальной» педагоги, вдохновленной универсальным человеческим идеалом в духе первой Французской Республики, которая сделала его гражданином. По словам Фихте, система Песталоцци является национальной, поскольку она полностью построена на принципе любительской, творческой интуиции и свободы. Культивирование этого принципа является национальным характером образования, и хотя Фихте в отдельных точках и не согласен с Песталоц, и, идя дальше, чем он, развивает свою теорию сообщества трудовой школы, но его критика направлена не из-за космополитической природы системы Песталицы, а из-за оставшейся в ней механики и недостаточности принципа любительской деятельности. Таким образом, национальное воспитание для него совпадает с воспитанием личности и свободы в человеке. Это не особый тип образования, применимый к другим его видам, как новая и другая образовательная цель. Нет, это не что иное, как нравственное воспитание для людей. Следовательно, только образование человека и свобода личности способны только сохранить и укрепить уникальность людей во всей их полноте, его свободу культуры и его благородную способность с энтузиазмом воспламеняться для служения

человеческим целям – ничего, что составляет характерные свойства нации как таковой. Только творческая работа над общенациональными культурными проблемами может вовлечь сегодняшнее поколение людей как отдельную единицу в этот вечный и устойчивый ряд поколений, которые составляют нацию, охватывающую как прошлые, так и будущие поколения людей. Вот почему Фихте клянется, что нынешнее поколение немецкого народа работает над национальным образованием во имя не только нынешнего живого поколения и всего человечества, но и древних, чьи дела должны продолжаться в работах современников и современников. Имя «все еще нерожденных потомков», которые говорят: «Позаботьтесь, чтобы не разорвать цепь, чтобы мы могли гордиться вами и вами, как безупречным звеном в этой цепи, продолжать быть в той же славной линии».

Антиномия национализма – космополитизм, который Фихте стремился преодолеть своей теорией нации, играл ту же роль, что и анонимность, детерминизм, детерминизм, индивидуальная личность в отношении коллективной личности людей. Тезис космополитизма совершенно аналогичен тезису детерминизма, поскольку последний отрицает оригинальность и самоопределение доступности, а также космополитизм воспринимает в нации просто группу индивидов, лишенных внутреннего единства и связанных чисто механически и временно под давлением внешних фактов (географических, состояние). Нация и человечество одинаково воспринимаются космополитизмом как простая совокупность частей: только эти части являются реальными – индивидуальными индивидами, а для детерминизма личность человека распадается из-за необходимости простой «связки», которую человек распадет по необходимости простой «связки» восприятия души народа и «духа мира» – это только абстракции, абстрактные понятия, которые формируются в нас как совокупность временных свойств, которые мы наблюдали в жизни той или иной группы сожителей; и объяснять с этой природой исторические события также ненаучно, как объяснять действие наркотика во сне с помощью общежития *dormitív*. Они сами требуют объяснения, а не того, что сами могут

служить принципами объяснения. Поскольку реальными являются только отдельные люди и возникающие экономические отношения, именно эти факторы не национального, а международного характера должны направлять наши действия. Мы должны стремиться к всеобщему, национальные ограничения являются лишь временными барьерами, которые со временем будут и должны быть устранены братством всех людей.

Противоположный тезис национализма, напротив, полностью аналогичен индексации: поскольку последний считает, что свобода и личность являются несомненными фактами нашей жизни, отрицание которых делает наше моральное существование бессмысленным и без нашей ответственности за наши действия, национализм также считает абстрактное понятие человечества слишком невысказанным, чтобы руководствоваться им в наших действиях. Помогать всем и обслуживать всех – это значит, что никто не помогает. Каждая борьба и каждое действие должны исходить из конкретных задач, относиться к определенным людям. Такую специфику и определенность дает реальное реальное целое национального союза. Индивидуальный человек – это живое реальное существо только в той степени, в которой он является членом нации, которую он воспринимает в себе с помощью речи своей матери. Благодаря сборной, которая прикрывает нас с первого дня рождения, мы становимся настоящими личностями. Мы обязаны ему всем, что составляет смысл и саму основу нашего существования. Нация – это не просто совокупность людей, это живая сила, сама сущность каждого человека, который отделен от нации и тянет за собой абстрактное и необъяснимое существование. Потому что только эта творческая работа является ценным, трудоемким, реальным духом, который составляет нашу истинную основу. Искусство, право, религия, правительство, наука – все в их величайших достижениях с глубоким национальным. Он вырастает из реального начала духа людей, для которого они являются только проявлениями и с которыми они могут быть объяснены только в их единстве, уникальности, взаимном родстве отдельных моментов. Культура народа – это

своеобразное действие духа народа, так же как и обвинительное заключение, наши действия являются продуктами свободного выбора самих себя.

Примечательно, что последовательно проникающий национализм также разрушает себя, поскольку неразборчивая мысль неизбежно ведет к отрицанию свободы. Действительно, отрицая человечество как нацию, завоевавшую нацию, и рассматривая человечество как простую абстрактную коллекцию только действительно существующих частей – наций, национализм считает невозможным отличить нацию и понять ее как единое целое. Одна часть, отделенная от целого, разваливается на множество не связанных между собой частей. Нация, провозглашенная самодовольным и более высоким началом существования, неизбежно заменяется своей собственной частью, которая претендует на роль истинного хранителя и носителя национального духа. Таким образом, немецкий национализм неизбежно перерастает в прусский, последний – в Гогенцоллерн – Бранденбург, а также в русский национализм, проходящий через Велико-Крукс, постепенно одерживающий победу в Москве-Суздале. В этой раздробленности и взрыве нации, как будто это движение распада и раздробленности, которое было поглощено нацией, отделенной от целостности человечества, продолжается. Нация, которая поставила себя перед конечной целью своего существования, чувствует судьбу того человека, который «не заложил ничего в качестве основы для работы своей собственной личности»: она рушится. Проблемы старой жизни, устаревшее государственное устройство, которое никогда не представляло нацию в целом, начинают говорить от имени нации. Часть хочет заменить целое. И этот взрыв нации в национализме приводит к тому, что вся нация теряется. Давно замечено, что нет более безличного, более удобного вывоза в зарубежные страны, чем национализм. Все национализмы напоминают две капли воды. Просто заменив термины, русский национализм без труда можно перевести на немецкий, французский, турецкий. Это тот же идеал господства, самодостаточности, величия, это тот же дух абстрактного утверждения о его необычайной ценности, который чаще всего выражается даже в аналогичных терминах. В

этом уравнивании национализма, который навязывает столь явную противоположность марке безличного космополитизма, его внутреннее противоречие особенно заметно. По мере того как свобода испаряется в индентилизм, превращается в произвол и «иллюзию нашего невежества», нация также испаряется в национализм, теряя присущие ей дух индивидуальности и свою уникальность..

Причина этого самоуничтожения национализма такой же, как известна, нам уже причина неудачи идентерминизма. И идентерминизма и национализм выглядят первым – личность человека, второй – коллективная личность людей, в плоскости конечного существования. Национализм страна готова и жизнь, это принцип объяснения и познания исторической реальности. В плане бытия нации и человечество на самом деле являются взаимоисключающей основой, и антиномии национализма, космополитизм кажется неразрешимым. Но вам это потому, что на самом деле? Ли они человечество и нация совпадает с суммой жителей сегодня людей, и если нет, то следует ли из здесь, что нация скрыта живая сила, народный дух, который в одиночку сами по себе производит его содержание? Категория проблема как предмет нашей деятельности, мы уже достаточно известны из вышеупомянутого анализа [1] концепции личности, так что мы теперь сделать его применимым к понятиям человечества и нации. Для того, чтобы определить, человечество с коллекцией людей, живущих сегодня, как и космополитизм не только поверхностные, но и просто невозможно, потому что человечество не заканчивается с его мгновенно в момент. Но однажды из-за границами *mignovenieto*, теперь мы вынуждены включать в человечестве в вечном числе, и наши предки и наши потомки. Это понятие человечества как концепция факта, чем когда-то перевернул понятие ценностно из «человечества» – сборник этих культурных вопросов, впереди сегодня живет поколение, как предмет его творчества. Поняты в этом смысле, человечество уже не противостоит нации как выключают самого начала, но предлагает нации и требует его. Та же проблема решается по-разному разными людьми, чтобы держать его во много раз. Общей, так как проблема не

исключает разнообразия, но вместо этого происходит в него нации, задуманный как принцип действия, а не как принцип познания и объяснить реальность, чреватую человечеством, ее высшей задачей и обоснованием. Ибо только как нация достигнуто значения, поэтому он стал личностью, которая берет свое особенно незаменимое место в мировой культуре, т.е. она стала нацией.

Человечество, как устойчивая, последовательно решаемая человеческая проблема, требует, чтобы каждый, кто идет на творчество, объединял свои усилия с усилиями и достижениями предыдущих поколений. Это требует совокупных или коллективных действий в творчестве современного поколения, чтобы продолжить усилия предков, которые работали над теми же проблемами. Каким бы ни было индивидуальное создание индивидуума, оно черпает всю свою силу и мощь из того факта, что мы чувствуем, что решили проблемы, поставленные древними, чьи усилия продолжают жить и получают свое оправдание в достижениях отдельного создателя. Таким образом, проблема требует традиции в качестве предварительного условия. И это то, что это означает: человечество, как сообщество культурных проблем, требует нации, которая, кажется, является основой перехода от поколения к поколению., Мы приходим к тому же выводу, исходя из понятия нации как единства культурной традиции. Изучить наследство отцов, защитить его от забывчивости и разрушения можно не воспринимать как пассивное, а активно продолжая работу предков, решая их более глубокие и глубокие проблемы. Только тогда, когда культурное богатство предков возрастает, сохраняется, потому что дела предков живут не в нашей пассивной памяти, а в наших творческих усилиях и достижениях. Только творческая работа над теми же проблемами, с которыми столкнулись наши предки, осознала чудо, что прошлое сохраняется. В этом смысле мы уже упоминали выше, что эта традиция, как и та, которая сохранилась в настоящем прошлом, возможна только благодаря нарастающей проблеме во времени. А это значит: нация, как наследство от предков, возможна только через человечество, что является объединяющей культурной проблемой для всех наций. Человечество и нация, воспринимаемые как предмет

наших действий, как обязанность нашего существования, не только не исключаются, но и взаимопроникают. Настоящий космополитизм и настоящий национализм совпадают.

Ограничение космополитизма заключается в том, что он игнорирует момент традиции, без которого немислимо ни одно подлинное культурное произведение. Эта ошибка связана с тем, что человечество воспринимается космополитизмом как факт, известный разумом, а не как надвигающийся на наши действия «человечество». Ограничение национализма, напротив, состоит в том, что он воспринимает нацию как полностью самодельный и готовый народный дух как наш самостоятельный акт. Ошибка национализма в том, что он игнорирует момент проблемы, которая только приносит жизнь в прошлое и сохраняет прошлое. Это даже объясняет тот замечательный феномен, в котором космополитизм и национализм в своих высших достижениях настолько близки, что они не различаются. «Националист» Фихте и космополит Ласкл, русские западники и славянофилы в героической эпохе своих московских споров в тридцатые годы прошлого столетия различались по своему родству не столько по своим притязаниям, сколько по их воспринимаемым симпатиям и чувствам. Теперь мы понимаем, почему Герцен, помня эти споры, мог сказать: «Нам нравится Янус или двуглавый орел, который смотрел в разные стороны, когда пульсировало сердце». Так как же может быть иначе? Западные жители Гренцова и Герцена, глядя на историю Запада, поставили вопрос: «Что нужно, чтобы спасти человеческую культуру?» И в прошлом русский народ руководил вопросом о том, что поможет этим новым варварам исцелить пустыню человечество: а славяне-киреевцы, очарованные прошлым русского народа, искали в истории Запада оправдание своей веры в его всеобщее историческое признание, их надежды на то, что русский народ самостоятельно решит несанкционированное, но все же для человечества *roblema*, и, таким образом, будет передавать на Запад его исторический домен обновлен и анимированный. Последователи западников и славянофилов превратили эти разные взгляды во взаимоисключающую враждебность: но западники были вынуждены заменить

проблему продолжения западной культуры идеей пассивного подражания этой культуре, а славянофилам пришлось заменить проблему, которую они хотели оправдывает русскую историю новыми достижениями на благо всего человечества с идеей простого сохранения русского прошлого и его механического господства над человечеством.

С этим разделением традиция и проблема нации, структура которой как коллективной личности людей, которая связана со структурой личности индивида, объясняет трудности определения понятия нации, найти в точной абстрактной формуле все и отличительные черты. Несмотря на усилия многочисленных исследователей найти знак, который позволил бы сузить ограничения нации, они еще не испытывали искушения найти его. Ни единство расового происхождения (большинство современных наций производятся смесью самых разных племен), ни поселение на определенной территории, ни государственное единство (есть нации, принадлежащие к разным странам, и страны, являющиеся по объему разными нациями) необходимые и достаточные особенности национального единства, хотя каждый из них в отдельности и способствует формированию нации. Такой знак невозможно найти по той самой причине, что нация не готова и не завершена, но это живой и прогрессивный процесс. Что касается личности индивида, то, что касается нации, мы не можем говорить, что она просто существует или не существует, но мы можем говорить, что она более или менее существует, у нее есть свои степени интенсивности, степени ее реализации., Подобно тому, как свобода реализуется только в той интенсивности, с которой она стремится преодолеть уже достигнутую степень, нация жива только в интенсивности своей культурной работы, которая ведет ее все выше и выше по ступеням. национальное существо. Современные исследователи из разных областей, отказываясь находить определенные материальные особенности понятия нации, ограничиваются формальным определением, таким как «историческое в нас» (Майнике, 1986) или как «культурное сообщество» (Биндер, 1948) людей, которые объединены в общность характера через общность исторической

судьбы (Отто Бауер, 1878), но это только подчеркивает наше понимание того, что нация не является антропологическим или социологическим фактом, имеющим четко определенные и узнаваемые признаки; Это не цель, которую мы могли бы определить, но это особый стиль народного существования, форма, которая сама по себе, получая ее творчество людей, направленных на решение универсальных культурных задач. Точно так же мы определили личность человека как выше, не как факт его существования, которое порождает его действия, а как действия, выраженные через действия. Это не материальное «что», а формальное «как» в существовании народа составляет его национальный характер. Вот почему так бессмысленно ставить нацию как цель личного и национального творчества. С.В. Станкевич совершенно прав, говоря: «Что так возбуждают люди по поводу национальности? Мы должны стремиться к человеку, его придет не будет. Каждый бескорыстный и непредсказуемый поступок духа непреднамеренно печатает свой собственный, и чем он ближе к общему, тем лучше... У кого есть свой характер, он печатает его на всех своих действиях: создавать персонажа Вы образованы только через универсальные принципы. Изобретать или составлять характер народа из его старых обычаев, старых действий – значит желать продолжить свое детство: дать его человеку и увидеть, на что он способен воспринимать, чего он не достигает. Вот что вы угадываете, и удерживать старое с помощью сверхдержав «банально» – патриотизм – это ничего не значит. «Тот, кто ставит нацию целью своей работы, делает ее пробной. Эта работа теряет именно то, к чему она стремится – ее творческий и самобытный характер, который создает нацию: нация – это не забота, а естественный плод усилий, направленных на решение наднациональных задач.

Список литературы

1. Усинский К.Д. О национальности в народном образовании.
2. Усинский К.Д. Родное слово. – 1864.
3. Усинский К.Д. Избранные труды. – 1965.

4. Обрешков О.К. Д. Шински в Болгарии // Народное образование. – 1974. – №10.
5. Ципро М., Washinski KS. С: Мыслители образования, перспективы. – С., 1995. – С. 675–683.
6. Фихте И.Г. Обучение (1794–1795). – С., Восток-Запад, 2011.
7. Гоголев С. Религиозная философия Фихте // Theologian Journal. – 1914. – №12. – С. 759–815.
8. Кисёв Т. Введение в классическую буржуазную философию. 2Ed. – С., 1998. – С. 172–181.
9. Ланге-Айхбаум В., Вольфрам К. Гении, безумие и слава. Т. 2: Философы и мыслители. – S.: Kibeа, 2001. – С. 146–153.
10. Якобленко Б.В. Жизнь и философия Йоганна Готтлиба Фихте // СБУ, Наука. Пять. – 2004.
11. Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten. – 1794.
12. Grundlage des Naturrechts. – 1796.
13. Система Ситтенлере на Княжестве Виссеншафтслехре. – 1798.
14. Ueber den Grund unsers Glaubens a eine göttliche Weltregierung. – 1798.
15. Наименование и зрительская церковь. Сакс. Конфискации rescript ihm beigemessenen atheistischen Aeüßerungen. Eine Schrift, die man zu lesen bittet, ehe man sie confsicirt. 1799.
16. Der geschlossene Handelsstaat. Эйн философ и Энтвурф альс Анханг цур Рехтслехре унд зонд эйнер кюфтиг цю лифернден Политик. – 1800.
17. Die Bestimmung des Menschen. – 1800.
18. Фридрих Николаис Лебен и Сондербар Майнунген. – 1801.
19. Philosophie der Maurerei. Бриф констант. – 1802–1803.
20. Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. – 1806.
21. Древняя религия. – 1806.
22. Реден и Дойче нация. – 1807–1808.

23. Das System der Rechtslehre. – 1812.